

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Основатель А. А. Иозефовичъ.

Пятница, 4 (17) Юля 1914 года.

Десять лѣтъ тому назадъ.

Прошлый разъ мы указывали на всеобщую боль, какою вызвала смерть Ант. Павловича во всѣхъ кругахъ общества, начиная отъ реакціонныхъ до самыхъ радикальныхъ.

Въ средѣ литературной, артистической, муниципальной, земской, студенческой,— всюду, всюду эта смерть вызвала неподдѣльное горе, искреннюю печаль, а въ кругахъ, близкая покойному—глубокое страданіе...

Всеобщее настроеніе сказалось, когда тѣло писателя было привезено въ Петербургъ, затѣмъ въ Москву и при похоронахъ писателя.

Тогда газеты жаловались что встрѣчающихъ было мало. Но не надо забывать, что тѣло было въ Іюль, когда всѣ, кто только можетъ, покидаютъ столичные города, и въ Петербургъ, какъ и въ Москву, остается очень мало представителей интеллигенціи. Къ тому же, какъ на бѣду, и погода была тогда весьма невзкая.

Тѣмъ не менѣе, въ газетахъ того времени читаемъ:

Въ Петербургъ тѣло почившаго писателя прибыло 8 Іюля. Въ 8 час. 45 мин. къ дебаркадеру Варшавской желѣзной дороги тѣло пошло на поѣздъ. Траурный вагонъ былъ опущенъ и переданъ на запасную платформу, послѣ чего вагонъ былъ открытъ.

Тѣло покойнаго сопровождаютъ вдова О. Д. Квашнеръ-Чехова и Ф. И. Квашнеръ.

По желанію собравшихся въ это время сотрудниковъ петербургскихъ и московскихъ газетъ, былъ приглашенъ священникъ съ гнѣздомъ и совершена краткая литія.

Вагонъ внутри былъ убранъ дубовыми вѣтвями. Металлическій гробъ утонулъ въ массѣ вѣтвей. Здѣсь были вѣнки отъ берлинскихъ студентовъ, отъ берлинскаго братства, отъ берлинскихъ студентовъ (съ надписью: «Кому повѣсть печаль свою») и др.

Съ быстротою молнии облетѣла Петербургъ вѣсть о прибытіи тѣла А. П. Чехова.

На всѣхъ лицахъ видна была искренняя печаль, струились неподдѣльные слезы.

Священникъ посвятилъ покойному трогательное слово, въ которомъ онъ охарактеризовалъ покойнаго, какъ человека и писателя.

Вагонъ съ тѣломъ покойнаго по соединительной вѣтви былъ переданъ на Николаевскій вокзалъ, откуда, въ присутствіи громадной толпы, отошелъ ровно въ 3 часа дня въ Москву.

А вотъ одно изъ описаній похоронъ Антона Павловича:

9 Іюля состоялась похороны А. П. Чехова въ Москвѣ.

Тѣло покойнаго въ траурномъ вагонѣ, украшенномъ зеленью, прибыло на Николаевскій вокзалъ съ почтовымъ поѣздомъ въ 7 часовъ 30 минутъ утра. Къ этому времени на платформѣ приходящихъ поѣздовъ собралась довольно многочисленная публика, среди которой находились представители московскаго Художественнаго театра, литераторы и журналисты, а также цѣлый рядъ депутацій съ вѣнками. Утро было пасмурное.

Изъ траурнаго вагона гробъ съ тѣломъ покойнаго былъ перенесенъ во дворъ пассажирской станціи, гдѣ духовенствомъ, при участіи хора гнѣзды, была отслужена литія.

По окончаніи литіи, публика стала забрасывать гробъ живыми цвѣтами.

Вскорѣ затѣмъ процессія двинулась со двора. Гробъ всю дорогу несли на рукахъ почитателя памяти писателя до самаго Новодѣвичьяго монастыря. Съ вокзала шестіе выступило въ началѣ девятаго часа утра, а въ Новодѣвичій монастырь процессія пришла только въ половинѣ перваго часа дня.

Непосредственно за гробомъ слѣдовала супруга писателя, поддерживаемая Влад. Ив. Немировичемъ-Данченко и другими друзьями почившаго. Публика тѣснымъ кольцомъ окружила гробъ и въ такомъ порядкѣ слѣдовала до Новодѣвичьяго монастыря. По мѣрѣ шестія количество сопровождающей публики постепенно возрастало. Много публики находило на встрѣчу тѣла писателя и ожидало процессіи.

Катафалка слѣдовала за гробомъ съ серебряными вѣнками. Затѣмъ двигались четыре колесницы, нагруженные множествомъ вѣнковъ. На Тургеневской площади противъ городской читальни была отслужена литія. Здѣсь прогнано солнышко и освѣтило лучами картину шестія.

Отсюда шестіе направлялось къ зданію Художественнаго театра. Здѣсь процессія была въ началѣ одиннадцатаго часа утра. Сочленіе публики было настолько велико, что всякое движеніе было прекращено. Когда шестіе остановилось, на гробъ покойнаго былъ возложенъ вѣнокъ пѣт полевыхъ цвѣтовъ отъ рабочихъ театра.

Затѣмъ процессія направилась къ редакціи журнала «Русская Мысль», беллетристическій отдѣлъ котораго Антонъ Павловичъ послѣдніе годы редактировалъ.

Процессія дальше двинулась къ Новодѣвичьему монастырю въ сопровожденіи многочисленной публики.

Въ обитель публика стала собираться довольно рано. Сюда прибыли многочисленные представители наукъ, литературы, театра и искусства. Къ полудню было уже многолюдное собраніе. Среди присутствовавшихъ, между прочимъ, находились бывшіе къ похоронамъ: директоръ Императорскихъ театровъ Теляковскій, Ф. И. Шаляпинъ и Максимъ Гурькинъ.

Обширный храмъ монастыря не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ.

У приготовленной для А. П. Чехова могилы въблизи Успенскаго храма, рядомъ съ могилой его отца, собралось такое множество публики, что съ трудомъ могли пронести къ ней гробъ послѣ отливанія. По окончаніи погребенія публика вѣскольکو разъ дружно прогѣла «Вѣчную память» и

затѣмъ долгое время не расходилась, оминая рѣчей. Въ это время полилъ дождь, а затѣмъ послышалась надъ могилой рѣчь, посвященная памяти писателя.

На гробъ А. П. Чехова было возложено множество вѣнковъ...

Намъ хотѣлось бы закончить эти строчки отрывкомъ изъ интереснаго отзыва объ Ант. Пав. г. Г. Абадона въ покойной «Руси» сейчасъ-же послѣ смерти писателя:

«Разумѣется, что Чехову никакъ нельзя было жазоваться на неудачи въ литературной карьерѣ. Онъ былъ признанъ и публикою, и критикою почти съ первыхъ своихъ начинаній, едва изъ Московскаго «Будильника» перешелъ въ петербургскіе «Осколки» и создалъ для нихъ сотни миниатюръ, сложившихъ потомъ, впервые прославившіе его, «Пестрые рассказы». Затѣмъ,—нововременскій періодъ, съ почти влюбленнымъ благоговѣніемъ къ Чехову А. С. Суворина. Затѣмъ—«Русская Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ» и тѣсный союзъ съ передовой частью русской печати. Затѣмъ—періодъ Художественнаго театра, европейская слава, обезпеченное положеніе... казалось бы, счастливиномъ путь-дорогу совершилъ, совсѣмъ въ сорочкѣ родился!—между тѣмъ этотъ счастливецъ томился глубокимъ и искреннимъ самонедовольствомъ, полнымъ недобвѣріемъ къ существу своего успѣха,—быть можетъ, больше того,—тяжелыми сомнѣніями въ самой нужности своего творчества. Только когда я видѣлъ Чехова по возвращеніи съ Сахалина, то вышелъ его, хотя очень мрачнымъ, но собою какъ будто довольнымъ, въ живомъ сознаніи, что онъ сдѣлалъ важное общественное дѣло, значеніе котораго не можетъ подлежать спору. Я не скажу, чтобы Антонъ Павловичъ былъ совершенно равнодушенъ къ неуспѣху своихъ произведеній: напримѣръ, негѣпный провалъ «Чайки» Александринскому театру страшно потрясъ писателя и несомнѣнно отнял у его жизни нѣсколько мѣсяцевъ, если не лѣтъ. Но успѣхъ свой онъ принималъ какъ-то грустно, скептически, не безъ печальной насмѣшки тайнѣ и надъ самимъ собою, и надъ чести воодавшими... Пессимистическій потомокъ Эклезіаста, онъ носилъ его очертаніе въ сердцѣ своемъ: *vanitas vanitatum et omnia vanitas*. Я вспоминаю Чехова, послѣ первыхъ петербургскихъ лавровъ и пушкинской преміи, въ дружескомъ догѣ одного московскаго поэта угрюмымъ, какъ ночь.

Спрашиваютъ его:

— Что же вы подѣлывали въ Петербургѣ?

— Учился говорить генеральскимъ ба-томъ.

Хозяйка его попрекнула:

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Антонъ Павловичъ. Отчего перестали у насъ бывать?

Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Да, вотъ, говорятъ, мы, великіе люди, должны знаться тоже только съ великими.

Фраза эта было совсѣмъ ошеломила бѣдную женщину, но когда она, вскочивъ, пристально взглянула на Чехова, то встрѣтила такой печальный взглядъ, такую страдальческую улыбку, что сразу поняла тяжелую иронию отвѣта.

Величіе упало на плечи Чехова, какъ неожиданный сверхсильный грузъ, и онъ потомъ, до конца дней, все шепталъ свои мускулы: въ подъемъ-ли? выдержу-ли? оправдаю-ли?».

Таковъ былъ Антонъ Павловичъ Чеховъ, котораго Россія потеряла ровно десять лѣтъ тому назадъ...

А. Суражскій.